

Григорий Дильдяев

ПЕРЕКРЕСТНОЕ ОПЫЛЕНИЕ

В уличной пробке машинное радио обронило что-то о легендарном журфаке прошлого века. Наверное, речь о КИЖе идет, подумалось мне. Коммунистический институт журналистики работал в Алма-Ате с середины тридцатых годов. Сокращенно КИЖ. Нет, дальше разговор шел о журфаке КазГУ. Так это же о моем родном факультете рассказывают! Я добавил звук. Смотри, легендарным уже называют...

Журфак КазГУ имени С. М. Кирова в шестидесятые-семидесятые годы входил в тройку лучших факультетов журналистики Советского Союза. Первое место отдавалось МГУ, Алма-Ата и Свердловск шли следом. Рейтинг, как сегодня говорят, определялся качеством преподавательского состава, именами выпускников. В Казахстан приезжали учиться со всех концов большой страны. Со мною вместе поступали ребята из России, Армении, Азербайджана, Киргизии, Белоруссии. Многие стали известными журналистами. О пятерых из них хочу рассказать.

Даря мне свою последнюю книгу «Время наших побед», Олег Квятковский написал на ее белом форзаце: «Григорию. Ты ведь один теперь и помнишь, как все это начиналось – в комнате № 402 на углу Космонавтов и Кирова. Что будет дальше, – знает только Бог. Но ведь еще не вечер, правда, Гриша?! Олег. 30 мая 2007 года. Астана».

Как все начиналось? Год на дворе стоял 1968-й. Студенты второго курса факультета журналистики КазГУ Василий Даньшин, Анатолий Загородний, Владимир Гречанин, Олег Квятковский и Григорий Дильдяев заселились в 402-ю комнату общежития. Корпус его выходил торцом на алма-атинскую улицу Космонавтов, по которой с самого раннего утра начинали гремят трамваи. Четвертый этаж, угловая комната, у окна пожарная лестница, за стенкой мужской туалет с вечно текущими унитазами. В комнате пять коек с провисшими панцирными сетками, в угол у двери втиснут шифоньер. В проходе между койками – найденный нами где-то в подвале канцелярский стол с обтянутой облезлым дерматином столешницей. Привлек, конечно, не дерматин, а то, что стол был длинный и узкий. Сколько за ним было написано, прочитано, выпито! Дерматин часто был влажным от пролитого вина, поэтому буквы на бумаге наших рукописей, случалось, расплывались красными разводами. С торцов стола два разномастных стула. Книги на шифоньере, под койками, на подоконнике. Вот и весь нехитрый антураж. Да, еще неизменная гитара на койке Олега и портрет Высоцкого, припиленный к стене. Над койкой Васи – самодельный лозунг: «Опять пришла апатия, топтать ее, топтать ее». (В оригинале употреблен более энергичный глагол.)

Случай, конечно же, случай свел нас в этой комнате. Спасибо ему. Но как все оказалось не случайным! С Олегом предыдущий год мы вдвоем прожили в доме на второй линии у тети Поли, сдававшей угол за символическую плату. Поэтому и в общаге вполне закономерно решили жить вместе. Оба тянулись к Васе Даньшину, признавая в нем лидера. Так что комнату начали заселять троим. Всегда рядом вился юный Володя Гречанин, умудрившийся поступить в университет в 15 лет. Ему досталась койка у двери. Молчаливый Толя Загородний с вечной беломориной в зубах тихо встал в дверном проеме с каким-то совершенно деревенским чемоданом в руках. Ладно, давай к нам, будет над кем пошучивать.

Общежитие человека раздевает. Не в том только смысле, что кто-то носит твою одежду. Совместное проживание словно рентген просвечивает каждого до самого донышка. Облетает мишура, корректируется первое впечатление, оседает пущенная в глаза пыль... Как в веселой песенке Галича поется, «Вот стою я перед вами, словно голенький». Друг о друге мы тогда знали все, что можно было знать. Что дано было увидеть. И даже то, казалось, что намечалось и брезжило впереди.

Сколько уже времени прошло, но я не припомню других более откровенных, на грани исповеди, разговоров, причем не только в «разогретом» дешевым вином состоянии. Такого количества и такого качества подначек, трепы, рассказов о самом ярком из увиденного, самого значительного и понятного, таких серьезных комментариев к ним и насмешливых рецензий. Такого уютного общего молчания, когда все понятно без слов и когда сосед вовсе не мешает своим присутствием. Его словно не замечаешь. Таких совместных озарений и сообща сделанных глупостей, прощенных обид, замятых стычек, в упор рассмотренных «родимых пятен», фобий, черт характера, граней таланта. Такого количества в очередь за ночь прочитанных книг – взяты были до утра. Мы пропитывались друг другом, брали в займы не только рубли: без отдачи делились знаниями, привычками, вкусами, мыслями, взглядами и открытиями, опытом ошибок. Это деление умножало богатство каждого из нас. Оселок общения правил собственные представления, прививал простое, но важное: твоя свобода ограничена моей. И все мы были такие разные! «Нас хотят сделать одинаковыми, как спички в коробке. Университет – это колпак, которым тушат свечи», – говорил жуткую крамолу Вася. С него и начну.

Итак, Даньшин Василий Петрович. Из Караганды. Год отучился на филфаке КазГУ, не понравилось. Попросил перевода на журфак. Ему не разрешили. Снова сдал вступительные экзамены и стал нашим однокурсником. Яркий, броский, крепкий, решительный – этаким мачо, говоря сегодняшним языком. Но привлекал он, конечно же, не брутальностью своей. Вася был очевидно талантливым человеком. Помню, Олег как-то сказал убежденно: Бог дал ему больше, чем нам. Васины стихотворные экспромты были блистательны, рифмы неожиданны («За столом с вином и Витями / Ты сидела в синем свитере»). Он гораздо больше нас прочел новых, полулегальных, только что появившихся в ту еще аukaвшуюся пору оттепели книг. И не потому только, что целый год был студентом филологом. Сказывалась еще домашняя закваска: учителем литературы была его мама. Вася к месту цитировал, а его собственные суждения всегда были парадоксальны и глубоки, полны смысла, часто яда, строчки – подтекста, вторых планов. Наши преподаватели – словесники его уважали, а то и откровенно побаивались.

Вася болел Вознесенским, и нас заразил. Где-то доставал новые стихи Андрея Андреевича (который вот уж точно «депо метафор»), со вкусом читал их вслух. Так в нашей комнате и повелось: кто-то произносит первую узнаваемую строчку из Вознесенского, все хором подхватывают продолжение. Обычно начинал Вася: «На стрельбищах в 10 баллов / я пробовал выбить 100...» Кто-то из нас, а то и все

вместе, продолжали: «Спасибо, что ошибался, / но трижды спасибо, что / в прозрачные мои лопатки / вошла гениальность, как / в резиновую перчатку / красный мужской кулак...»

«За что нас только бабы балуют», – опять с выражением начинал декламировать Вася, очевидно избалованный вниманием наших девушек. А не менее очевидно еще совсем не целованный Вовка Гречанин тогда еще тонкоголосо подхватывал: «И губы, падая, дают...»

Вася подбивал нас писать на скорость: за пятнадцать минут – короткое, в форме эссе, сочинение с заданной темой. Кто за стол садился, кто на койке устраивался. И начиналось «скрипение перышком». Потом вслух читали свои творения. Например, писали о том, что такое «страсть». Я на эту тему, помню, что-то о могиле бутербродов, имея в виду живот Толи, написал. Переваривая их, его живот бурчал. Мол, и во сне Загородный жил напряженной внутренней жизнью, ерничал я. Сам Толя – о пепельнице, в которой выкуренные в раздумьях окурки томились. Олег – об охоте, на которую он ходил с отцом, от первого выстрела мальчишеского и до «страсть к убийству, как страсть к зачатыю». Гречанинский опус на эту тему был посвящен искусству и ответственности власти, Володя тогда был ярким сторонником «сильной руки». Вася написал страничку текста, которая начиналась так: «Петухи дрались из-за кур...» И далее всего в трех абзацах уместилась новелла о мощной силе мужского начала, которым проникнуты настоящие слова, поступки, судьбы.

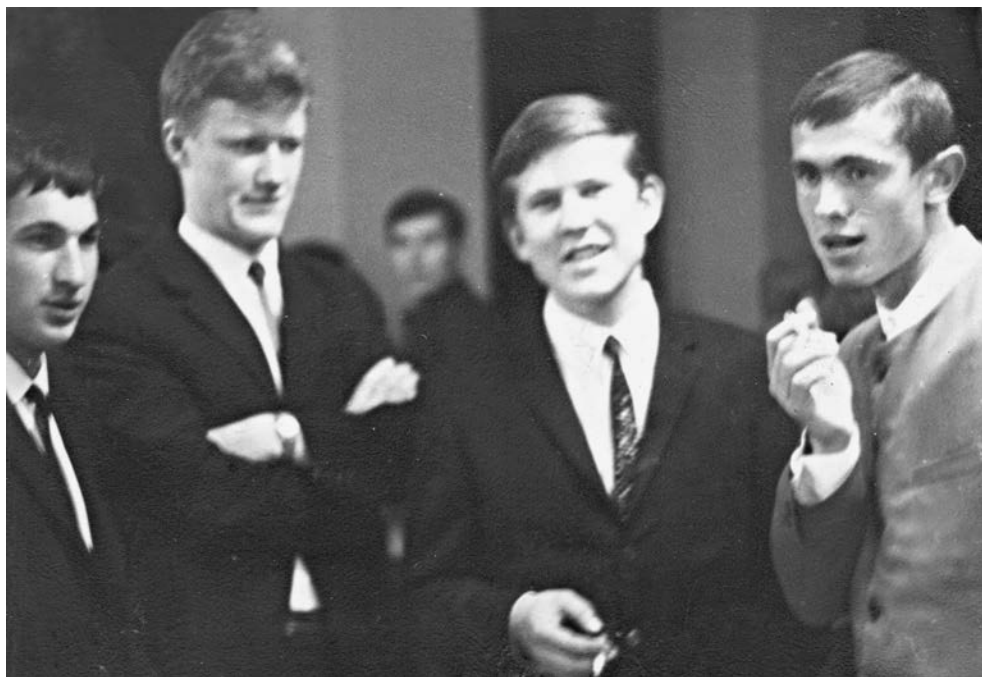
С самонадеянностью и щедрой расточительностью молодости все эти записки мы выбрасывали. Жалко, вот бы сейчас почитать!

Вася первым из нас, еще будучи студентом, стал работать в газете. В республиканской газете «Спорт» – была такая в прежние времена. Красные редакционные корочки мы разглядывали с завистью, но и имели свою корысть от них. По этому удостоверению Вася через служебный вход проходил на Центральный стадион за полчаса до начала футбольного матча. Поднимался до верхнего ряда трибун, через парашют скидывал к нам вниз завернутое в платок удостоверение. С его помощью в свою очередь на стадион проходил я, потом Олег. В торопливую тему «голов, очков и секунд» Вася привнес новые интонации, «очеловечил» ее. Когда я сегодня читаю с выдумкой написанные строчки о спорте, вспоминаю его. Известный казахстанский спортивный комментатор Диас Омаров считал Данышина одним из самых интересных спортивных журналистов республики.

Вася рано женился. С подружками Людией Кармалыгой и Таней Величко мы с Васей познакомились на танцах в Доме офицеров. Слепительная блондинка Люда и жгучий брюнет Вася были замечательной парой. Свадьбу наш друг организовал сам – он вообще рано начал зарабатывать, я не помню, чтобы Данышин получил хотя бы один денежный перевод из дома, от родителей. Скоро и дочку родили, окрестили мы ее Наташей. И в газету военного округа «Боевое знамя» Вася пошел не потому, что его увлекала тема армейская – нужны были деньги. А в «боевой» газете новелл не требовалось, в номер сдавать нужно было совсем другие строчки. «Как тебе там служится?» Вася морщился: «Давай лучше выпьем...»

Мартовским вечером 2005 года мне позвонила Наташа Абсалямова, бывшая до недавних пор обозревателем «Казахстанской правды», тогда заместитель главного редактора газеты «Экспресс-К». В девичестве она Данышина, Наталья Васильевна: «Папа умер. Сердце. В Караганде». Через полчаса, отдышавшись, я набрал сотку Олега. «Ну вот, он первый из нас. И в этом... Я сейчас в Пекине с Президентом, только что переговоры закончились, буду в номер писать. Вернусь – поговорим, помянем». О чем говорили? О том, что Василий Данышин не стал тем, кем мог бы стать, кем должен был стать. От этого вдвойне горше.

Рядом с койкой Васи – койка Толи Загороднего. Родился Анатолий Яковлевич в Алге, что в Актюбинской области. Адрес памятен еще и потому, что из этого степного городка в нашу комнату с завидной регулярностью поступали посылки от Толиных родителей. Чаще всего в них было сало и мелкие черные семечки. Сало быстро съедалось за общим столом, семечки вызывали ярость дежурного по комнате – шелуху нужно было выбирать ведрами.

Студенты второго курса факультета журналистики КазГУ Анатолий Загородний, Владимир Гречанин. Григорий Дильдяев, Василий Даньшин, 1968 год

Весь обсыпанный папиросным пеплом, Толя обычно или задумчиво глядел в потолок, лежа на койке, или часами испусывал листы бумаги, низко свесив над ними свой нос. Газетным премудростям учился он без всякого интереса, брезгливо вертел в руках учебник научного коммунизма или не менее научного атеизма. А вот русскую литературу знал и изучал с жаром, благо, преподавали нам ее хорошо. И была у Толи страсть – Достоевский. Конечно, все мы к Федору Михайловичу испытывали должное уважение, респект, как нынче говорят. А вот студент Загородний Достоевского буквально боготворил, его романы о Христе «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» без конца перечитывал, находя в них новые глубины и смыслы. Как известно, христианская тема в них выражена в виде искупления через страдание. «Страдать надо, страдать...», – как-то вырвалось у Толи. Понятно, это было взято нами на вооружение: шуточкам насчет пострадать не было конца.

Загородний хотел стать писателем, на журфак поступил потому, что Литинститута в Казахстане не было (и нет). Кстати, поступающих именно с такой целью было, к моему удивлению, в ту пору немало. Я из журналистской семьи, Олега напутствовал на учебу его дядя – газетчик, мы хотели стать профессиональными журналистами. Но вот абитуриентом я месяц прожил в комнате с четырьмя ребятами казахами, которые целыми днями читали друг другу свои стихи. И собственное будущее видели исключительно поэтическим. В смысле, мечтали стать поэтами. «А ты стихи пишешь?» – спросили меня. Узнав, что это уже «пройден-

ный этап», они стали поглядывать на меня с жалостью. Один из них был Шумишбай Сариев – сегодня имя этого казахского поэта и переводчика известно всем любителям поэзии. Другой абитуриент, круглоголовый крепыш Абай (кандидат в мастера спорта по боксу, кстати) был несусветным задирой и одновременно поэтической натурой. Стихами упивался, читал их с чувством, с намернувшимися на глаза слезами. Потом без конца качал пресс, прыгал со скакалкой. Как-то уже поздним вечером, когда во дворе общежития опять собралась веселая и шумная компания послушать гитару, я вздохнул: мешают ведь. Абай вскочил: пойду заткну ему рот. Еле уговорил не ходить. (Похоже, тогда я спас нос Олега. Сломали ему его позже, но это другая история, тема ее «Петухи дрались из-за кур...») Конкретно: из-за нашей однокашницы красавицы Кати Довбий влюбленный в нее Олег подрался с Мишей Давидовичем, учившимся на курс старше. В Мише было два метра, руки у него были тоже длинными. Вот и достал он тонкий нос Олега. Олег – футболист! – в ответ ударом ноги выбил ему коленную чашечку. Навалились на них, растащили... Через два года Катя вышла замуж за Мишу, но к тому времени у Олега было новое увлечение – Таня Павлова, тоже студентка журфака, в 70-м году ставшая его женой. На свадьбе присутствовали всей комнатой. Татьяна Квятковская была заметным журналистом, потом ушла в политику, стала членом правительства. С ее именем связан парламентский кризис).

После университета Толя где-то незаметно поработал в газете. Потом был заведующим редакцией русской литературы в издательстве «Жазушы». Там же издал свою первую книгу прозы «Вербы над колодцем» (1979 г.). В журнале «Простор» работал редактором отдела прозы. Книгу Загороднего «Суд да дело», с заметными приметами его увлечения Достоевским, я отослал Олегу в Хабаровск. Он там работал собкором «Строительной газеты». Олег отозвался в своем письме весьма пространной и уважительной рецензией на нее и таким вот выводом: «Не зря Толя корпел ночами над своими листочками, время, как все мы, не терял».

Что правда, то правда. Футбол, танцы в парке городском, пьяные пирушки студенческие, поездки и встречи с новыми людьми Загороднего интересовали меньше, чем нас. Нет, полным затворником и монахом он не был – да кто ему позволил бы быть таковым в нашей развеселой 402-й! Обедни не портил, пил на равных, становясь при этом язвительнее и откровеннее. Но все же чаще всего его можно было видеть пристроившимся к уголку стола с зажатой в желтых от никотина пальцах «беломориной», что-то бесконечно вписывающим в пухлую растрепанную рукопись. Взгляд отсутствующий, сам пока без бороды.

В Алматы в 1995 году Анатолий Яковлевич опубликовал журнальный вариант романа «Сочинение о божественной глине», который мы с Олегом тоже прочли («Мудрено, с наскоку не осилишь. Его надо медленно читать»), а в 1996 году переехал на постоянное место жительства в Орел. Через несколько лет издал там новую книгу прозы – «Книгу обольщений». Номинант международной Букеровской премии, лауреат ряда престижных литературных премий. К примеру, за «Эссе о России» удостоен Всероссийской премии имени братьев Киреевских «Отчий дом». По решению Коллегии Орловской области А. Я. Загородний, вместе с группой других местных литераторов, получает творческую стипендию.

Конечно, не прошел он мимо естественной попытки выразить свое отношение к земле, родной по рождению, и к принявшей его земле российской. В журнале «Наш современник» Толя опубликовал статью «Азия и Россия: цвет и свет». Он писал: «Мы там, вне пределов России (как странно так говорить), мы там, кажется мне, как-то уже снивелированы, отуплены в этническом котле, похожи и схожи все; в нас есть какая-то уже космополитичность, в нас проявляется уже нечто «еврей-

ское», то есть в смысле витийства, в смысле прилаживаемости, обихаживаемости (по-розановски). Отношу целиком это к себе, чтобы не смущать других русских. Но в отличие от избранной нации, мы теряем свой облик и утрачиваем национальность – я не имею в виду сейчас, хорошо это или плохо и для кого хорошо и для кого плохо, – здесь же, в Орле, все выказывается той самой, блоковской, азиатской рожей, я говорю в блоковском же, самом высоком плане... Азия-то заметно пообрусела. На Руси же чудится какая-то азиатчина. История кажется странно вывороченной. Азия будет потише. Посглаженной. Не Руси следует бояться Азии...

...Азия, собственно Казахстан, земля Азии – это пустыня, это пески, это горячий воздух, это разлитая в воздухе пряность, это полынь и терпкость полыни – царицы азиатской земли, это знойность и экзотическая некая насыщенность, это резкость и сумеречность близкого как бы к закатному цвету, это же гамма знойных сухих звуков. Все это ведет к какой-то придавленности, к отстранению от чрезмерной внешней назойливости, к укрытию... Что до гор и хребтов азиатских – это бесконечный подъем, но и закрытость пространства...

Тут – все, вся земля как бы одна поляна. И все – прохлада.

Пространства те же, что у азиатских пустынь, но альпийский воздух, но сплошной оазис. И то, наконец, чего нет в Азии ни на равнине, ни на высотах альпийских. Свет! В Азии – цвет. В России – свет».

Вот такая поэтика с хромограммой. Длинную цитату привел здесь для того, чтобы было понятнее, какие спорящие, но и странным образом дополняющие друг друга слова находят для выражения своих чувств россиянин по рождению Олег Квятковский, ставший евразийцем по духу и азиатом по жизни, и Анатолий Загородний, уроженец Западного Казахстана, увидевший Свет в России. Еще раз скажу: хорошо, что мы такие разные, что нас не усреднили.

...Владимир Романович Гречанин в студенческую пору был невероятно худым и длинным, как жердь, любознательным пареньком. Вундеркинд из Уральска, он совсем малолеткой окончил школу и поступил в университет. Посмотреть на мальчика-студента приходили с других факультетов. Поначалу, несмотря на свой изрядный рост, он поглядывал на нас как бы снизу, торопился угодить. А то взбрыкивала в нем мальчишечья гордость, он, что называется, лез в бутылку, спорил на ровном месте. Трогательно поджав губы, обижался, когда его и в самом деле весьма обширные книжные знания осмеивались. Наши пьяные кутежи поначалу приводили его в ужас, щеки по-девичьи розовели, когда он слышал что-нибудь особенно откровенное или запретное. «Посадят нас за совращение малолетних», – усмехался Вася Даньшин.

На Вовку обрушивался наш коллективный Старший Брат со всеми благостями и изысками этого внимания. Мы и защищали, и гоняли младшего, скоро окрестили его в свою веру. Взрослел Володя очень быстро. От его внимательных глаз не ускользала ни одна подробность жизни, он все замечал, все усваивал, раскладывал по полочкам – в нем мало-помалу начинал проступать очень рациональный, резонерствующий человек.

Володя побаивался острого языка Васи, всегда старался быть поближе к Олегу. Когда Олег брал гитару, не было более благодарного и внимательного слушателя, чем Гречанин. Репертуар Квятковского он выучил наизусть, стараясь попасть в тон и такт, подпевал. Часто насакивал в спорах на Толю, Толя мудро улыбался, опрокидывая длинные резоны Володи каким-нибудь едким доводом. «Я не понимаю, – картинно раскинув длинные руки, расхаживал он по проходу между койками. – Когда я буду вас понимать?»

Я думаю, общежитие стало для него очень важной порой ученичества.

После университета в родном Уральске работал на телевидении. Но аукнулась четыреста вторая – по рекомендации Олега Володю Гречанина пригласили работать в «Ленинскую смену». С ее завотделом Юрием Кириничяновым, репортером Василием Елисеевым и фотокором Герой Переплетчиковым (рейдовая бригада газеты) как-то целых полтора месяца кочевали по всей республике, буквально «перепыхав» своими строчками казахстанскую ниву. Добирались до ближайшего телефона и диктовали стенографистке в номер свои репортажи. Диктовал Володя – у него дикция получше, быллой дискант сменился рокочущим баском.

Потом – «Казахстанская правда», отдел промышленности (в нем Олега сменил). В отраслевом отделе защищал природу, был собкором «Казахстанской правды» по столичной области. Публиковался не часто, но интересно, с глубокой разработкой тем. Быллой тонкий юноша превратился в степенного до вальяжности, самоуверенного грузного мужчину с веским голосом и квадратным подбородком. Вырос и по службе, стал членом редакционной коллегии, заведующим отделом партийной жизни «Казахстанской правды» (на этом посту меня сменил, когда я стал корреспондентом «Правды»). В 1990 году уехал в Самару – собственным корреспондентом газеты МПС СССР «Гудок». Куйбышевский транспортный узел – один из крупнейших в стране. Владимир Романович Гречанин скоро вошел в число лучших собкоров «Гудка». Потом он редактировал газету «Куйбышевский железнодорожник», ныне – редактор газеты местного филиала российской Транснефти «Пульс нефтяных артерий».

Редакции «Правды», «Труда» и «Гудка» часто вызывали своих региональных собкоров в Москву – подежурить по номерам, пройти стажировку в отделах, столичных ведомствах. Мы с Олегом и Володей пытались в Москве «пересечься» – увы, не удалось.

...Пружинные сетки наших с Олегом коек в интересах экономии жизненного пространства в тесной комнате были навешены на одну спинку. Так что любое движение друг друга сразу же чувствовали, спали голова к голове и перед сном подолгу вполголоса, а то и шепотом, чтобы не будить других, говорили. Чем понравилась последняя лекция Мадзигона; какие строчки можно написать для только что открывшейся новой газеты «Вечерняя Алма-Ата»; почему не было на лекциях Кати Довбий; Вася надыбал работу – разгружать стеклотару на заводе изделий бытовой химии, на троих, по 10 рублей за вагон; в пятницу «Кайрат» принимает «Пахтакор», пойдем обязательно; что Вера написала в письме последнем?; Аграновский в «Известиях» опубликовал интересный очерк «Своя рубашка»; отец предлагает наладить информационный мост между Ошским и Алма-Атинским ХБК; Фархат Ибрагимов зовет на подработку – где взять гитару хорошую?

Худой, шустрый, с высоко взбитым чубом, во рту – шербатый зуб, вечно тараторящий, эмоциональный (все оценки и характеристики минимум на два умножал), Олег был мобильнее нас, за сутки успевал не раз смотаться на другой конец города, с восторгом рассказывал об увиденном, словно пробуя на вкус детали. Садился к столу, заголовок информации или репортажа обводил несколько раз чернилами, будто выделяя его жирным шрифтом. (Забавно, та же привычка у внучки его.)

Учился Олег легко, не напрягаясь, я не помню его усиленно и с натугой штудирующим предмет. Выручала память: что-то слышал, читал, запомнил. Когда чувствовал пробел – отвечал с нарочитой самоуверенностью человека знающего, наслаивал своей скороговоркой вокруг да около темы груды подробностей. И получал хорошую оценку. С удовлетворением разглядывая в конце семестра зачетку, говорил убежденно: нет, в аудитории писать не научат. Мог пропустить любую лекцию ради встречи с интересным человеком, выполняя задание редакции.

Любимые преподаватели – Стеклова, Мадзигоны, Сагалович, Мамцова – то есть словесники, литераторы. Их лекции старался не пропускать. В сохранившейся нашей общей с Олегом тетради с конспектами лекций по русской литературе, которые мы вели поочередно, им любовно выписаны страницы, посвященные Бабелю: «“Конармия”, 34 рассказа, острых, как спирт, и цветистых, как драгоценный камень. Бабель трудно работал, говорил: “Единственное тщеславие, которое у меня есть, это написать как можно меньше ненужных слов”. Он автор сборников “Конармия” “Одесские рассказы”, пьес “Закат” и “Криница”. И все. Мало написал, потому что был очень требовательным к себе. Говорил: “Никакое железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя”».

Биография журналиста – в написанных им строчках, читайте его, он сам о себе рассказал сполна в своих заметках, репортажах и очерках. За сорок лет работы в газетах Советского Союза и Казахстана Олег написал их бесчисленное множество. Часть из них попала в три его книги. Он давно понял, что читателю интересен газетчик со своей личной точкой зрения, интересен строчками, в которых живет и его собственная жизнь.

Впервые я увидел его в августе 1967 года, когда сдавал вступительные экзамены на факультет журналистики КазГУ. Точнее, поначалу не увидел, а услышал – как-то душным летним вечером во дворе студенческого общежития захлебывающийся тенорок завел под гитару:

Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса,
кто ни во что не верит, даже в черта, назло всем.
Хорошую религию придумали индусы –
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем...

Песни полузапретного Владимира Высоцкого были для нас тогда своеобразным паролем, кодом «свой – чужой». Любишь, знаешь, поешь-подпеваешь – значит, свой. Так что к этому тенорку испытал я тогда заочную симпатию, к которой примешивалась легкая зависть: во дает, завтра экзамен, а он заливается... Потом, когда познакомились, выяснилось, что песен Владимира Семеновича Олег знал во множестве, больше, к примеру, чем я. Оказалось, что, не поступив после школы в Клайпедскую мореходку, Олег стал работать в Новосибирском театре оперы и балета. («Артист миманса», – не без гордости показал запись в трудовой книжке.) Театр с гастролей привозил новые песни Высоцкого. С ними в Алма-Ату приехал Олег Квятковский. С которым в студенчестве мы делили пополам последний рубль, по очереди носили единственный плащ, вместе гуляли на собственных свадьбах, крестили детей, поклялись, что непременно придет на похороны, его или мои, тот из нас, кому выпадет жить дальше... Любили свое дело, не без ревности, если честно, отслеживали успехи друг друга, но первыми и совершенно искренне с ними поздравляли. Судьба сводила нас и разводила, порой далеко (но только географически), порой «выбивала дубль». К примеру, мы одновременно собкорили в московских изданиях, я в «Правде», Олег в «Труде», в свой срок становились редакторами «Казахстанской правды».

«Стандартных» студентов, да еще на журфаке, не бывает. Что Олега очевидно выделяло, так это повышенная любознательность. К примеру, после первого курса на летнюю практику улетел аж в Анадырь. Вернулся с бородой и интересными очерками о неведомой Чукотке. Уже студентом Олега привечали в разных редакциях, рады были его материалам, приглашали на работу. Писал быстро, практически сразу набело, в любых условиях. У него не найдешь вымученных строк. Был удивительно скор на подъем, любил командировки, умел первым оказаться там

где горячо. Среди любимых тем – граница, потом Афганистан. Оперативность и яркость, творческая выносливость сделали Квятковского репортером номер один в Казахстане.

Его стиль письма легко узнаваем – поэтический заголовок («Поймать все ветры океана суши»), фраза часто с инверсией, ритмизированные предложения, обилие образов, практически в любом тексте закольцованный сюжет, психологизм, полное отсутствие боязни говорить от первого лица. Это – Квятковский. Порой казалось, что писал он избыточно метафористично. Как-то я сказал ему: иногда это отвлекает, мешает восприятию, восходи к простоте. «Ну, поправь мой текст, – ответил Олег. – Найдешь завитушки вокруг пустоты – выброси». Куда там, это все равно как арабскую вязь на латиницу перевести. Конечно же, его яркая образность – от богатства языка, культуры слова. В сегодняшней казахстанской журналистике это, увы, в дефиците.

Работал в изданиях разного толка, коммерческих, скажем так, и государственных. Придумал название газете «Караван». Редактируя «Казахстанскую правду», был, пожалуй, самым пишущим ее сотрудником. Смог он удивительно много. Никогда не клял журналистскую поденщину, молодых учил тем, что просто переписывал их материалы. Коллективы, в которых работал – принципом «делай, как я». Писал стихи и песни, не уставал «издавать» домашние стенгазеты. Задумывал, создавал и редактировал новые СМИ, вел авторские передачи на телевидении, написал сценарии 14 документальных фильмов. Как и каждый из нас, мечтал о своих книгах. И первая из них стала не собранием ранее напечатанного – увидевшая свет в 2004 году книга о Сауке Такежанове, инженере-металлурге, экономисте-реформаторе, давшем имя нашей валюте, на мой взгляд, одна из лучших биографий, изданных в казахстанской серии «Жизнь замечательных людей». Надо быть Квятковским, чтобы написать ее за отпускной месяц. К своему сорокалетию он написал: «Пропахший синим дымом и кирзой, / Я буду счастлив в семьдесят, как в двадцать, / Что голубой далекий горизонт / Имеет свойство в руки не даваться».

А летом 1979 года Олег умирал от критической потери крови после операции в Хабаровской краевой больнице. И умер бы, ушел той ночью, если бы не было рядом жены: Айше сидела у изголовья, она в тот момент не стала без толку кричать и метаться, там все решали секунды, и она успела поднять врачей, вызвать реаниматологов... Потом всеми правдами и неправдами раздобыла дефицитные лекарства. Через три недели при выписке профессор сказал на прощанье Олегу: «Вы очень многим обязаны жене. Можно сказать, она вас отпросила у Бога обратно». Если о Боге речь зашла... Вскоре Олег принял ислам и в Намангане обвенчался с Айше по мусульманскому обряду. Знали об этом только самые близкие люди.

Олег Квятковский и Григорий Дильдяев

Говорят, не надо пророчить свою смерть, ее обстоятельства. В том же 1979 году на обороте фотографии, на которой Олег с ружьем в руках стоит над убитым им оленем, он написал:

Не доживу до старчества и лени,
 До поздней осени, не знающей росы.
 Я навсегда склонился над оленем
 У той далекой северной косы...

Ему тогда был 31 год. Дожил он всего до пятидесяти девяти, но никакого старчества и лени в нем не было. Это видели и знали все, кто жил и работал с ним рядом, кто читал его молодые упругие строки.

К его шестидесятилетию мы, его друзья, приурочили документальный фильм об Олеге. В фильме о нем вспоминали самые разные люди – Олжас Сулейменов и Михаил Полторанин, первоцелинник Леонид Картаузов и Шейх-уль-Ислам Мухаммад-Хусейн хаджи Усманович Алсабеков, бывший главный редактор газеты «Труд» Леонид Кравченко и ректор Алматинского государственного университета имени Абая Токмухамед Садыков, министры Ермухамед Ертывсаев и Бердибек Сапарбаев, депутаты Сергей Дьяченко и Гадильбек Шалахметов, друзья и коллеги Квятковского. Я смотрел все рабочие материалы, все синхроны, сам брал интервью для фильма. По-новому глазами участников фильма увидел друга. Порадовался тому, с каким искренним чувством признательности говорили они об Олеге Вадимовиче. Кроме того, нам хотелось, чтобы в этом фильме о конкретном журналисте Квятковском громко прозвучала тема уважения к журналистскому труду. Свет этого уважения пролит на весь наш цех.

Недавно попала мне в руки дипломная работа студентки четвертого курса С. Амановой на тему «Публицистика Олега Квятковского». Все как положено, как и мы когда-то дипломы писали, заканчивая учебу – введение, разделы, заключение, список использованной литературы, отзыв рецензента. Интересно, интересно, какая истина глаголет устами «младенца»? «Примечательной чертой этого журналиста является то, что подаваемая им информация основана на реальных фактах и событиях, очевидцем и участником которых является он сам», – утверждает дипломица. Ну что же, умница. Не поспоришь и со многими другими выводами. «Подобных исследований на уровне дипломных работ и кандидатских диссертаций нет». Думается, пока нет. Творчество Олега Квятковского есть смысл изучать.

А заключение дипломной работы неведомой мне С. Амановой начинается со смелого утверждения: «Олег Квятковский родился и вырос в г. Алматы». А вот это, айналайын, вовсе не «реальный факт», хмыкнул я. Место рождения своего героя нужно бы знать. Можно было хотя бы в справочнике «Кто есть кто в Казахстане» посмотреть, уточнить. Родился Олег на золотом прииске с экзотическим именем Эльдорадо, что в Красноярском крае. Потом подумал: а ведь в известном смысле студентка права – как личность, как профессионал, как гражданин Олег Квятковский родился и вырос именно в Алма-Ате – Алматы.

...И опять я вижу, как его сухие пальцы, на кончиках которых шелушится кожа, обхватывают гриф гитары, беря простенький аккорд. Опять Высоцкий:

Так кто есть кто, так кто был кем, мы никогда не знаем.

С ума сошли генетики от этих хромосом.

Быть может, тот облезлый кот был раньше негодяем,
 а этот милый человек был раньше добрым псом.

– Ты знаешь, – говорил мне Олег, – мне кажется, что в прошлой жизни я был азиатом, уже жил где-то в этих краях.

То ли очерков путешествующего монаха Вамбери начитался, то ли так оно и было на самом деле. В зрелые годы смотрел на мир глазами евразийца, рассказывал нам об увиденных и открытых им приметах родства Руси и Поля, прорастающих в сегодняшнем дне. Не случайно, я думаю, Олжас Сулейменов назвал его не только своим другом, но и коллегой. «Родство мое с Азией устоялось, окрепло оформилось окончательно и навсегда», – написал Квятковский незадолго до своей смерти.

Олег Вадимович умер 12 октября 2007 года на руках любимой жены Айше Баяновны и согласно его завещанию до третьего намаза был похоронен на мусульманском кладбище Кенсай в Алматы.

...Кинопроектор памяти высвечивает стоп-кадры пятидесятилетней давности. Вот гремит за окном пожарная лестница. Это Вася мартовским котом возвращается домой с очередного свидания – вход в общежитие уже закрыт. В углу смолит папиросу за папиросой Толя, невидяще глядя в потолок. Олег, свесив голову, ловит свет книжной страницей, должно быть, перечитывает свою любимую Ларису Рейснер. Володя заглядывает в толстую тетрадь, светло улыбаясь чему-то. Мне тоже не спится. Я посматриваю на своих друзей. Завтра все мы проспим первую пару, явемся ватагой на вторую. «Во, пришла четыреста вторая», – будут приветствовать нас.

Конечно, сегодня, спустя много лет, все прошедшее видится романтичнее, умнее, ярче и значительнее. Но, ей Богу, свет того окна на четвертом этаже, где все начиналось, греет до сих пор. Олег писал мне, вспоминая наше студенческое житье: «Мы все одного корня... Как все проросло и переплелось, толкает в сердце...»

Недавно в интервью местному изданию я сказал, что мне жалко сегодняшних журналистов. «С чего бы это?» – ревниво спросил меня его редактор. Я готов был много резонов привести, но задал лишь один встречный вопрос: «Ты сам-то давно был в командировке? А твои сотрудники часто ездят по стране?» Ответ я, увы, знаю: в нынешних редакциях нет статьи расходов на это. Фонд зарплаты худо-бедно есть, а вот командировочного фонда не предусмотрено. Мы в наше время в редакциях не сидели, объездили вдоль и поперек всю республику. Олег как-то завел большую карту Советского Союза, помечал на ней флажками места, в которых побывал. Казахстан весь был покрыт этими флажками.

Ау, историки казахстанской журналистики! Вот цифры и факты для вас, заносите в свои анналы. Из 402-й комнаты студенческого общежития журфака КазГУ образца 1968 года вышло три собкора центральных советских газет, два редактора «Казахстанской правды», четыре неоднократных редактора разных других газет, журналов и издательств, академики Академии журналистики Республики Казахстан, член Союза писателей России и Букеровский номинант, лучший репортер республики... Не хило на пятерых. Выходит, густо сеяно было. А выросло в том числе и потому, что мы учились не только в аудиториях, но и друг у друга. Такое вот случилось перекрестное опыление.

